

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Когда началась война, мне было 18 лет. Папа умер в 33-ем, оставив маме пятерых. Я была второй по старшинству, поэтому пришлось в 16 лет идти работать, чтобы помочь маме поднять младших. Работала я на фабрике «Пролетарская Победа № 1» счетоводом. Занималась в стрелковом и парашютном кружках. Получила значок «Ворошиловский стрелок», мечтала о Школе пилотов. На тот момент у меня уже было 5 прыжков, я получила значок парашютиста. Но по возрасту меня туда не приняли, и я пошла в трёхгодичную Школу медсестёр при Красном Кресте. Проучилась два года, и тут началась война. 5 июля 1941 года в Московском районе формировалась Дивизия народного ополчения (2 ДНО). 14 июля я уже перевязыва-

Память о блокадных днях будет жить всегда. И как верно сказал Роберт Рождественский: «Через века, через года, — помните! О тех, кто уже не придёт никогда, — помните! Не плачьте! В горле сдержите стоны, горькие стоны. Памяти павших будьте достойны! Вечно достойны!» Наша газета публикует воспоминания о блокаде Антонины Владимировны Рохлиной, жительницы Московского района.

ту дали на 2 семьи. Нас было пятеро: мама и сестра работали на фабрике «Пролетарская Победа № 1», вторая сестра училась в ремесленном училище. Братику было 12 лет.

Когда немного поправилась, пошла в Красный Крест к председателю тов. Будилкиной, которая направила меня на работу в госпиталь, располагавшийся в школе на Петроградской стороне. Работала в перевязочной, дежурила в палатах.

В ноябре перестали ходить трамваи. Начался голод. Сил ходить в госпиталь уже не было, развилась дистрофия. По карточке служащей я получала 125 грамм хлеба, у братика была детская карточка — тоже 125 грамм. Мама с сестрёнкой по рабочим карточкам получали по 250 грамм, а младшую кормили в ремесленном училище. Мама ходила на поля совхоза «Ударник», собирала мороженые кочерыжки и листья, из них варила суп. В кладовой нашли столярный клей, из которого варили студень.

Дома было очень холодно, чугунок топить было нечем, так как сожгли всё, что могли: стол, стулья, книги. 3 дня не было хлеба, потом братик принёс 3-х дневную норму — 750 грамм. Положили мы этот хлеб на стол. Братик толкает его мне и говорит: «Тося, ешь ты, ты крови много потеряла», а я ему «Нет, Шурик, ты ешь, ты маленький». Пока толкали, от хлеба почти ничего не осталось.

как сможешь. После пожара на Бадаевских складах с саночками ходили за «сладкой» землёй, где сторел сахар. Эту землю дома заливали водой и пили. Только не была она сладкой.

Мама уже не могла ходить. Чтобы получить продовольственные карточки, я пошла работать на свою фабрику. Но цеха уже стояли, мы просто дежурили в цехах, на складах, на крыше. Вставали с сестрой в 6 утра и шли с Невского к Московским воротам. На улице было пусто, редко попадались прохожие. На земле лежали трупы. Люди умирали на ходу.

Я уже ходила без костылей, но нога ещё болела. Сестра была пободрее, а мне за ней не успеть. Я говорю: «Машенька, подожди!», а она, не оборачиваясь: «Догоняй».

Однажды на фабрике я стояла на полу и упала. Очнувшись, надо мной наклонился наш директор тов. Бычков и с ним пожарный. Подняли они меня, отвели в кабинет директора, дали глоток водки, кусочек опалённой шкурки и хлеба. Мне кажется — это меня спасло. Люди приходили на фабрику, получали продовольственные карточки и тут же умирали.

Как-то с работы домой проходила мимо Клинского рынка у Фрунзенского универсама. Там кто продавал,

30 человек, все из нашего района: кто-то работал на фабрике «Скорострой», «Пролетарская победа № 1», с кем-то училась в школе. Встретила я там Тамару Зайцеву, с которой мы занимались парашютным спортом. Девчата приняли меня хорошо. Они были покрепче, потому что полк был сформирован в августе, у них был военный паёк — 400 граммов хлеба. И ещё в столовой при Московском райсовете нас кормили гороховой кашей. А хлеб я относила маме и братику. Я быстро пошла на поправку.

В задачу нашего полка входило дежурить на крышах во время обстрела, тушить зажигалки. Помогали тушить пожар на Макароновой фабрике. На улице после объявления воздушной тревоги помогали населению спуститься в бомбоубежище. В основном это были старики и дети. В нашу обязанность входило собирать трупы и отвозить их на Кирпичный завод. После войны там был разбит Парк победы. Детей, чьи родители умерли, устраивали в детский дом.

Школу медсестёр при Красном Кресте. Проучилась два года, и тут началась война. 5 июля 1941 года в Московском районе формировалась Дивизия народного ополчения (2 ДНО). 14 июля я уже перевязывала первых раненых на станции Веймарн. 26 августа под селом Ивановским я получила тяжёлое ранение и была эвакуирована в Ленинград в больницу им. Ленина.

29 сентября 1941 года меня выписали из госпиталя на домашнее лечение, я ещё ходила на костылях.

К тому времени нас с ул. Решетникова в Московском районе переселили на Невский, 14, так как район считался уже опасной зоной. Комна-

750 грамм. Положили мы этот хлеб на стол. Братик толкает его мне и говорит: «Тося, ешь ты, ты крови много потеряла», а я ему «Нет, Шурик, ты ешь, ты маленький». Пока толкали, от хлеба почти ничего не осталось. Решили отложить на завтра, вдруг опять хлеба не дадут.

Воды не стало. Во дворе была прачечная, там в лоханках и на полу был лёд, который мы скалывали и топили. Потом за водой стали ходить на Сенную площадь, там был открыт люк. Мы ложились на живот и ведром черпали воду, но встать уже не было сил, так стоящие сзади в очереди просто оттаскивали от люка вместе с ведром на сторону, а там уж

это меня спасло. Люди приходили на фабрику, получали продовольственные карточки и тут же умирали.

Как-то с работы домой проходила мимо Клинского рынка у Фрунзенского универмага. Там кто продавал, кто менял. Я достала свои 125 граммов хлеба. Держу в руке и иду по рынку. Подходит ко мне мужчина, спрашивает: «Меняешь?», а у него кусок дуранды, вроде приличного размера. Обменялись. Отошла в сторону, откусила, а она горькая. Опять обменяла на хлеб. Но страшнее всего было слышать, как дети просили хлеба. Ну, хоть маленький кусочек.

В апреле мы перебрались в свою старую квартиру на улице Решетникова. Здесь была дровяная плита, а в подвале сарай с дровами. Появилась трава, из неё пекли лепёшки. Мама нашла семена моркови, посеяла на газоне. Я решила поработать в совхозе «Ударник» в надежде получить немного картошки. По дороге встретила свою одноклассницу, которая посоветовала мне пойти в Противопожарный комсомольский полк, который находился при Московском Райсовете.

Я пришла туда, рассказала, что выписалась из госпиталя после тяжёлого ранения, поэтому на фронт меня не отправили. Командир меня в полк принял, но на неделю освободил от заданий и велел ходить только в столовую.

Казарма полка находилась на Московском проспекте, дом 126, рядом с макаронной фабрикой. Нас было

ном это были старики и дети. В нашу обязанность входило собирать трупы и отвозить их на Кирпичный завод. После войны там был разбит Парк победы. Детей, чьи родители умерли, устраивали в детский дом.

В один из дней июня 1942 года стояли на посту у райсовета. Подошёл к нам военный и предложил службу в армии. У Мясокомбината тогда формировалась 72-я стрелковая дивизия. 6 девушек согласились. Так началась моя новая служба в армии.

Но блокада ещё раз напомнила нам о себе. Мы так и ходили везде вшестером. Попросил нас повар постирать фартуки, а за это дали ведро пшённого супа с селёдкой. Пошли стирать, но сначала решили поесть супу. И поели. Съели всё ведро. Две девушки попали в больницу, а о нас говорили не иначе, как: «Это те блокадницы, которые супом объелись». Было очень стыдно.

Скоро нас распределили по подразделениям. Меня направили в 14 стрелковый полк санинструктором в санвзвод. А дальше мы освобождали Выборг, на Вороньей горе участвовали в прорыве блокады, потом Эстония, Латвия, Литва, Польша и Германия. Форсировали р. Одер. Закончилась для меня война под немецким городом Нейсе.

РОХЛИНА (ИЛЬИНА)

*Антонина Владимировна,
ветеран Великой
Отечественной Войны*